

**ПСИХОЛОГИЯ
В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ЦЕНТР ПСИХОЛОГИИ***

Как все начиналось

В конце 80-х годов в университете начинается деятельность по психологическому сопровождению студентов. Инициатива принадлежит В. Е. Ильину, зам. декана физического факультета и одновременно зав. лабораторией технологии и организации обучения. Реализацией деятельности занимается группа психологов, куда входят А. Л. Галин, М. К. Киянова, А. В. Ткачев. Руководит этой деятельностью П. Е. Рыженков, в 1987 году перешедший в университет на постоянную работу. Группа работает над исследованием проблем адаптации студентов к учебному процессу и оказывает им практическую помощь. Помимо этого исследуются стили и особенности преподавательского поведения, механизмы взаимодействия преподавателя и студенческой аудитории. В этой работе участвуют П. Е. Рыженков, О. Н. Первушина, И. А. Седярова. В 1988 году группа оформляется в сектор психологического сопровождения подготовки специалистов в вузе (кратко именуемый сектором психологии). В этом же году проходит конференция, посвященная психологическому сопровождению подготовки специалистов в вузе.

Из воспоминаний П. Е. Рыженкова:

«Первая задача, поставленная Виталием Евгеньевичем Ильиным, работа с первокурсниками. Его беспокоил большой “отсев” студентов после первого курса. И мы

заялись исследованием этой темы. Проводили интервью со студентами, преподавателями. Я присутствовал на 20 семинарах по физике и математике, наблюдая, как преподаватели работают со студентами. Мы создали систему консультативной помощи, проводили тренинги, написали и издали в 1990 году пособие для первокурсников “Самоорганизация студентов первого курса”. В 1988 году организовали Всесоюзную конференцию под названием “Психологическое сопровождение подготовки специалистов в вузе”. Содержательно там много тем было по вопросам психокоррекции и психотерапии. Мы собрали немало тогда известных специалистов: Р. Кочюнас, Э. Лауникайтес из Вильнюса, приехали Михаил Ериш, Борис Бараш из Ленинграда, Михаил Иванов, Пахомов Юрий, Дзен Николай и из Москвы, коллеги из городов Сибири и др. Все проходило в Доме Ученых. Были мастерские, доклады, воркшопы. Чуть позже вышел сборник по материалам этой конференции».

Это было интересное время – время поисков, энтузиазма, но вместе с тем чувствовалось отсутствие большого настоящего дела, имеющего перспективу и дающего простор творчеству.

Настоящее большое дело началось в 1989 году и было связано с организацией подготовки психологов для лиц, имеющих высшее образование. Сначала это были школьные психологи, позже к ним добави-

* Продолжение статьи. Начало см. в предыдущем выпуске журнала (2009. Т. 3, вып. 2. С. 5–31).

лись клинические психологи, еще позже – организационные. Через некоторое время подготовка школьных психологов была прекращена и остались две специализации – клиническая психология и организационная психология. Образовательная программа реализовывалась сначала в рамках повышения квалификации и переподготовки, позже мы стали давать второе высшее психологическое образование (сначала по программе бакалавриата, а затем специалитета). Эту деятельность центр психологии продолжает и в настоящее время.

Вспоминает П. Е. Рыженков:

«В 1989 году я организовал первую группу подготовки школьных психологов (Спецфакультет). Она состояла из учителей школ. Группа была всего 13 человек. Учились 9 месяцев. Выдавали диплом о переподготовке.

Это случилось благодаря соединению трех сил. Воронко Юрий Петрович, кооператор, который готов был платить стипендии студентам спец. факультета. Районный отдел образования (С. Н. Смирнов) направил учителей на переподготовку, мы их обучали.

Почему именно в то время началось обучение психологии? Я был готов... Я хотел делиться знаниями, тем, что знал, тем, что накопилось... Появилась новая тема – школьная психология. Мы проводили разные тренинги с работниками образования. И видели: прежние ценности жестко идеологические – разрушились, были потеряны ориентиры, связанные с воспитанием. Тема психологии стала актуальной, в школе появились ставки психологов, но никто не знал, чем им заниматься. Мы начали работать. Я, Ольга Николаевна Первушина, Золотарев Сергей Юрьевич...»

Кому и как обучать школьных психологов

Мы начинали с выполнения частной конкретной задачи, поставленной извне, после чего решили продолжить образовательную деятельность. Подготовка психологов стала основой деятельности сектора психологии, который позже перерос в более основательную структуру и стал называться учебно-научным центром психологии НГУ. Выбор данного направления в качестве ведущего

для центра психологии, безусловно, не случаен. Во-первых, для адекватного позиционирования в университете естественно заниматься образовательной деятельностью; во-вторых, тогдашняя ситуация в психологии и в образовании не просто способствовала, а даже инициировала подобного рода деятельность. Дело в том, что в конце 80-х годов приходит мода сначала на подготовку школьных психологов, а потом, более широко – на подготовку практических психологов. Это очень неоднозначное явление для развития психологии и поворота нашего общества в сторону восприятия и принятия психологического знания и психологической культуры. С одной стороны, в обществе, безусловно, наблюдается всплеск интереса к психологии, психологическим услугам, что ведет к росту популярности профессии психолога, в глазах многих людей психология начинает приобретать зримые, определенные очертания, происходит осознание необходимости в психологической помощи и поддержке и возможности ее получения. С другой стороны, наблюдается профанизация психологического знания, в том числе потому, что психологами объявляют себя люди с явно недостаточной подготовкой. Провозглашение практической направленности подготовки психологов приводит к тому, что новоиспеченные специалисты очень часто не имеют необходимых и достаточных знаний для адекватного использования тех практических инструментов, которые оказались в их распоряжении. В итоге психология наконец-то становится востребованной, живой, желанной, но встреча с психологами далеко не всегда способствует укреплению ее позиций и росту уважения к ней и к тем, кто ею занимается. Психологический бум привел к тому, что психологов стало слишком много, но при этом количество профессионалов существенно не увеличилось. «В отличие от России, в развитых странах Запады психология давно воткана в социальную жизнь. Психологические службы работают в образовании, медицине (не только в психиатрии), в экономике, в армии, политике, промышленности, судах, тюрьмах. Два психолога (Г. Саймон и Д. Канеман) получили Нобелевские премии по экономике. Соответственно, имеются различные психологические ассоциации и общества. Психологи, помимо непрерывного образования и получения

ученых степеней, систематически проходят сертификацию и регулярно подтверждают свои сертификаты и лицензии. Государства доверяют проведение сертификации и лицензирования деятельности психологов соответствующим профессиональным ассоциациям.

Нам до всего этого довольно далеко, хотя по численности психологов мы уже догоняем США. Уходя от нас, советская власть оставила нам от 5 до 6 тысяч психологов. Сегодня, по самым скромным подсчетам, их в 20–30 раз больше. Если бы их всех можно было счесть профессионалами, это было бы чудом. Но, видимо, это наша традиция: брать числом, а не умением» [Зинченко, 2008. С. 5–6].

Из Решения коллегии министерства образования РФ от 29 марта 1995 года, № 7/1

«Заслушав и обсудив доклад заместителя министра А. Г. Асмолова, коллегия отмечает, что развитие практической психологии образования в значительной степени обусловило гуманизацию всей системы образования и привело к возникновению службы практической психологии образования в Российской Федерации.

Введение практической психологии в систему образования способствовало постановке и решению задач перехода от унифицированного образования – к вариативному образованию и от педагогики “знаний, умений и навыков” – к педагогике развития; переориентации сознания учителя от школоцентризма – к детоцентризму; формированию культуры обращения к психологу как к междисциплинарному специалисту в образовательных учреждениях; разработке развивающих, коррекционных и компенсаторных программ обучения в дошкольном, общем, дополнительном, начальном профессиональном и специальном образовании; экспертизе и проектированию развивающей среды. <...>

Практическая психология содействовала переориентации образования на индивидуальное развитие личности, изменению общей образовательной ситуации в России. Логическим следствием этого процесса явилась организация основ службы практической психологии как сферы человековедения.

Стратегия экстенсивного развития службы практической психологии, разработанная

в документах Гособразования СССР в 1988–1991 годах, привела к созданию в России системы экстренной переподготовки психологов на базе высшего педагогического образования в форме спецфакультетов при университетах и педагогических институтах, появлении. Центров профориентации и психологической поддержки, введению должности психолога (педагога-психолога) в образовательных учреждениях. В настоящее время в России профессия практического психолога образования стала не только реальностью, но и начался процесс объединения практических психологов в профессиональное сообщество. Об этом свидетельствовал состоявшийся в июне 1994 года I съезд практических психологов образования России, организованный по инициативе Министерства образования Российской Федерации, Российской академии образования, Общества психологов при Российской академии наук и поддержанный практическими психологами всех регионов России. <...>

Наиболее успешно работа службы практической психологии образования осуществляется в республиках Карелия и Кабардино-Балкария, в Брянской, Курской, Челябинской, Пермской, Тульской и Ярославской областях, Краснодарском и Ставропольском краях. Разветвленная служба практической психологии сложилась в Москве и Санкт-Петербурге.

Во многих регионах России обозначился переход к созданию службы практической психологии как системы в образовательном пространстве региона. Примером такой системы может служить региональная инновационная модель службы практической психологии Юго-Западного территориального округа г. Москвы»¹.

Итак, в конце 80-х – начале 90-х годов психология врывается в сферу образования. Безусловно, это позитивное явление, так как психология в школах и вузах необходима, как необходимы и школьные психологи. Но для того чтобы это направление дало ожидаемые результаты, нужна не только

¹ О состоянии и перспективах развития службы практической психологии образования в Российской Федерации / Решение коллегии Министерства образования РФ от 29 марта 1995 г. № 7/1 (цит. по: [Асмолов, 1996. С. 652–654]).

готовность принять психологов. Необходимо, чтобы эти психологи были профессионалами. Анализируя сложившуюся тогда ситуацию, мы вынуждены констатировать, что профессиональных кадров для подготовки психологов образования явно не хватало. Зачастую представители самых разных профессий, прошедшие повышение квалификации или профессиональную переподготовку, начинали работать психологами и вести подготовку психологов. Я полагаю, что можно работать школьным психологом или заниматься каким-то другим видом психологической практики при особой заинтересованности этой деятельностью и постоянном развитии путем самообразования или освоения различных обучающих программ. Но если повышать квалификацию вы будете, обучаясь у специалистов без базового психологического образования, то возникает вопрос уровня, качества этой квалификации. «Происходящее, конечно, можно назвать болезнью роста, но пока вузы, действительно готовящие профессионалов, можно перечесть по пальцам. Тем не менее чудо все же происходит, правда, в достаточно скромных масштабах. В стране появились профессиональные практические психологи. Лучшие из них, так сказать, элита, – это те, кто получили фундаментальное психологическое образование (без соответствующей практической подготовки) еще в “старых” университетах и стали практиками поневоле. Уже есть кому готовить новые поколения для работы в таких сферах, как школьная, организационная, консультативная психология, психотерапия и др. Однако нельзя закрывать глаза на распространенность фельдшеризма, шаманства, поп-психологии» [Зинченко, 2008. С. 6].

Эта ситуация достаточно рано осознавалась и на государственном уровне. В цитируемом выше Решении коллегии Министерства образования читаем:

«Этап экстенсивного строительства службы практической психологии образования в России в основном завершен. Можно констатировать, что развитие практической психологии во многом повлияло на подготовку почвы новой философии образования, обусловило переход от традиционной парадигмы “знаний, умений, навыков” – к парадигме развивающего образования в контексте создания национальной доктрины образования России на пороге XXI века.

В настоящее время значительно возрастает уровень профессиональных требований, предъявляемых психологу, работающему в системе образования.

В регионах все чаще поднимаются вопросы о явной недостаточности экстренной переподготовки психологов на спецфакультетах университетов и педагогических институтов.

Очевидна необходимость более дифференцированной подготовки практических психологов разного профиля для решения многочисленных задач как в сфере управления образованием, так и в области многопрофильных образовательных учреждений.

Вместе с тем в стране все острее ощущается дефицит квалифицированных психологических кадров в связи с ростом потребности детей, родителей, работников сферы образования в психологической поддержке. Возникает опасность дискредитации профессии практического психолога из-за недостаточной, в ряде случаев, его профессиональной подготовки и вследствие этого недостаточной профессиональной компетенции, с одной стороны, и несоответствии предъявляемых к нему требований как специалисту, с другой стороны.

Существует потребность в совершенствовании системы подготовки психологических кадров. Тревожит чрезмерный акцент при подготовке практических психологов на *селективной психодиагностике* (диагностике отбора), а не на *диагностике развития личности* ребенка.

Слабо скоординирована деятельность психолога с работой медиков, а служба практической психологии образования – с деятельностью психолого-медико-педагогических комиссий.

По-прежнему не находят своего полного решения вопросы социальной и профессиональной защиты практических психологов: учреждения службы практической психологии не включены в номенклатуры базовых образовательных учреждений; отсутствуют критерии и процедура профессиональной аттестации практических психологов; не определен статус практического психолога в различных образовательных учреждениях...

Все указанные выше моменты затрудняют развитие службы практической психологии образования» (цит. по: [Асмолов, 1996]).

Фото 1. Первый выпуск школьных психологов. 1989 г.

Фото 2. Один из выпусков спецфакультета. 1997 г.

Фото 3. Выпуск организационных психологов. 2000 г.

Фото 4. П. Е. Рыженков. 2003 г.

Спецфакультет, возникший на базе Центра психологии, не является исключением в общей картине подготовки практических психологов. Сильные и слабые стороны, в целом характеризующие это движение, имеют отношение и к нашему спецфакультету. Безусловной сильной стороной являлось наличие среди преподавателей выпускников МГУ и ЛГУ, имеющих базовое психологическое образование. Дальнейший крен развития, связанный с формированием команды преподавателей из числа выпускников спецфакультета – с моей точки зрения, серьезный недостаток развития и функционирования спецфакультета, хотя сами выпускники, являющиеся в настоящее время преподавателями, зачастую считают иначе.

Из интервью с С. Ю. Золотаревым, выпускником спецфакультета (первый выпуск), ныне заместителем директора Центра психологии НГУ:

Каким образом, с вашей точки зрения, создавался преподавательский коллектив / коллектив сотрудников (чем руководствовались, когда приглашали преподавателей / сотрудников)?

«Коллектив преимущественно до сих пор состоит из наших выпускников. Потому что все выпускники разделяют концепцию Центра, они в этом выросли, впитали идеологию, правила взаимодействия немножко специфичны, поэтому, особенно с первых выпусков, достаточно много людей, зарекомендовавших себя каким-то образом, приглашенных Рыженкову, оставались здесь в качестве сотрудников. И вот сейчас у нас, по сути дела, все наши специалисты – это все выпускники Центра».

Все?

С. Ю. Золотарев: «Все. За исключением технического персонала, секретарей. Те, кто ведет преподавательскую работу, все наши выпускники. Это я, Римма Ефимкина, Татьяна Пушкина, Кузнецова, Голубев. Болдырев Дмитрий был нашим сотрудником, сейчас он работает не здесь. После окончания года три он у нас работал, потом уже уволился...»

Наши сотрудники пытаются даже медицинские предметы, например «Анатомию и физиологию ЦНС», увязать с психологической практикой. У нас какое-то время читали просто преподаватели университета, вра-

чи вели эти предметы, хорошо вели, но без связки с психологией».

Получается, что на тех предметах, которые являются базовыми, но не являются собственно психологическими, преподаватели пытаются увязать информацию с практикой психологии.

С. Ю. Золотарев: «Собственно, даже не преподаватели. Это делает Рыженков. По этому принципу подбираются преподаватели. Это отчасти и является некой идеологией. Увязать все в единый комплекс. Последовательность предметов. Любых. Не может быть прочитана клиническая психология, пока не было психодиагностики, или конфликтология до социальной психологии. Они должны опираться друг на друга. Это и есть часть методологии. Последовательность предметов, логическое развитие. Рыженков это называет формированием мышления. Психологического мышления. Оно вот такое поэтапное... Одна из задач, которую выполняют наши сотрудники – это мышление сформировать (не столько знания дать, сколько мышление сформировать)».

Что входит в психологическое мышление?

С. Ю. Золотарев: «Когда человек воспринимает другого человека, или взаимодействует с ним, он с разных точек зрения пытается понять причины его поступков в последовательности событий. Понимая в том числе и медицинские, физиологические, биологические основы. И поэтому курсы зоопсихологии, антропологии являются важными для понимания того, что в нас есть биологического, а что является наслоением социальным... Поскольку мы готовим профессионалов, которые будут работать с людьми, то нам важно, чтобы они научились понимать, видеть людей, видеть ситуацию с разных точек зрения. И себя, в том числе, поэтому у нас, начиная с первого курса проходит линия работы с собой. Все начинается с тренинга личностного роста. Есть курс самоанализа. Линия работы с собой, самопознание, саморазвитие – эта линия в течение всех трех лет сохраняется».

Из интервью с Р. П. Ефимкиной, выпускницей спецфакультета, ныне преподавателем Центра психологии:

Как преподавателей на спецфакультет выбирают? Какие это преподаватели?

«Какие? Долгое время в каждом выпуске мы проводили тайные голосования, чтобы установить самого рейтингового, любимого студента. Как правило, эти рейтинговые, любимые студенты становились потом преподавателями. То есть это люди, которых и так любят, и так признают неформальными лидерами. Кроме того, это люди, которые наделены интеллектом (само собой), от природы развитыми коммуникативными навыками, эмпатией. Так Татьяна Панцуркина к нам пришла, Ира Сякина, Пушкина Татьяна».

Команда преподавателей: уникальная атмосфера

Сильной стороной спецфакультета являлась атмосфера энтузиазма, пронизывающая всю деятельность. Рыженков как руководитель заражал своей увлеченностью, неформальным отношением к делу и верой в успех. Кроме того, первые годы формирования и развития спецфакультета – это атмосфера партнерства, дружеской поддержки как между преподавателями, так и между преподавателями и студентами.

Из интервью с С. Ю. Золотаревым:

Про атмосферу Центра психологии расскажите. Какая в Центре психологии атмосфера?

«Я бы, наверно, сказал, она уникальная. Это атмосфера уникальна в силу того, что все сотрудники нашего Центра являются нашими выпускниками. И эту атмосферу создавал и поддерживает активно Рыженков Петр Ермолаевич и подбирает, соответственно, людей, которые разделяют идеологию, вписываются. Это дает возможность создания вот такой атмосферы взаимной поддержки, что, наверно, трудно предполагать, если собирать сотрудников, сформировавшихся где-то на стороне».

Из интервью с Р. П. Ефимкиной:

Какая атмосфера на спецфакультете?

«Спецфакультет 21 год существует, и в первое время это была тусовка единомышленников, друзей. Но по законам развития организации, организация стареет, сейчас мы в таком возрасте предпенсионном, что для каждого преподавателя с большим стажем самая главная ценность – чтобы ему не

мешали работать, потому что мы все уже достигли мастерства и мы уже не нуждаемся в приказах свыше, в методических материалах. Корпоративы остались, но они уже совсем другой характер носят».

Если сравнить спецфакультет 21 год назад и сейчас...

Р. П. Ефимкина: «Мы все учились, мы мало что умели, мы пробовали новые вещи, мы экспериментировали... Мы изучали английский язык все вместе. Энтузиазм был, все делалось на общественных началах. На 10-летие Центра сделали совершенно потрясающий праздник, сначала была конференция, официальная часть, потом банкет, веселились до упаду! На 20-летие уже такого энтузиазма не было. Нет уже такой потребности в тусовке. В друг другу мы уже мало нуждаемся, не так, как когда-то. Тогда поддержка нужна была, из-за неопытности, страха. Сейчас нет уже этого».

Вспоминает Т. К. Панцуркина, выпускница спецфакультета, ныне преподаватель и сотрудник Центра психологии:

«Запомнилось отношение, которое было здесь к студентам. Совершенно неформальное. Мы учились в 317 аудитории Главного корпуса, там было всего лишь четыре больших стола, и мы, разбившись на группы, сидели кружочками. И мы в перерывах, в обедах всегда прибегали в 9-ку. Здесь была библиотека, и с преподавателями всегда можно было пообщаться, что-то спросить, проконсультироваться, попить вместе чаю. Мы много общались с преподавателями. Очень теплое было отношение к студентам в то время, очень открытое... Сейчас студенты не приходят в гости просто так. Мы же могли просто завалиться после лекции, спросить, как дела...»

Про атмосферу расскажите. Какая атмосфера в Центре психологии сейчас? Вы рассказывали о той атмосфере, когда Вы были студенткой, а как сейчас? Что изменилось? 2010 год. Атмосфера в Центре психологии.

Т. К. Панцуркина: «Наверное, как и любая организация, которая эволюционирует, она проходит такой период, когда происходит некоторая формализация, например, к требованиям обучения, к соблюдению норм, к написанию работ, сдачи экзаменов, и мно-

гих других вещей. Появляются алгоритмы, они полезны, чтобы не выполнять одну и ту же работу десять раз. Мы создали алгоритм сдачи экзаменов, защиты диплома... Это облегчает жизнь сотрудникам. Это дает возможность и студентам более просто жить, потому что понятно, что надо делать. Другое дело, что увеличилась дистанция между студентами и преподавателями. Это естественный процесс».

Студенты (мы называли их слушателями) и преподаватели были влюблены в спецфакультет, гордились своей принадлежностью к нему. Преподаватели – вчерашние студенты, были счастливы своей принадлежностью к спецфакультету и, развиваясь в дальнейшем, способствовали его развитию. П. Е. Рыженков не уставал повторять, что окончание спецфакультета – лишь первая ступенька на пути к профессии психолога, что человек, закончивший спецфакультет, не становится автоматически Психологом, Мастером, он – всего лишь подмастерье, фельдшер. И, надо отдать должное, преподавателям спецфакультета, учились они много, правда, не всегда системно.

Становление и развитие сотрудников и преподавателей Центра психологии

Вспоминает Р. П. Ефимкина:

«Рыженков был нацелен тогда не на академическую строгую манеру, а он предлагал нам терминологию разжевывать всю, чтобы люди учились говорить на языке, доступном массам, потому что он нас нацеливал на практическую работу, на работу с клиентом. Тогда еще психотерапии не обучали так, как сейчас обучают. Все мы, его сотрудники, имеем сертификаты по психотерапии международного стандарта. Соответственно, тогда не было такого, как-то так вприглядку, вприкуску, какой-то фельдшерский подход, быть специалистами во всем».

Что значит «вприглядку», «вприкуску»?

Р. П. Ефимкина: «Ну, где-то кто-то приехал, что-то провел, краткосрочные семинары, какие-то нам сертификаты дали, но это не давало систематической психотерапевтической подготовки. А в 94-м, по-моему, начались декадниги Кустанайские, потом они стали Красноярские, потом Енисейский де-

кадник (круиз по Енисею). И однажды вот с такого декадника привезли Нифонта Долгополова² в Центр психологии для того, чтобы он провел у нас обучающую программу по гештальту и по психодраме, ну и по арту потом еще запустили программу. Это были профессиональные долгосрочные сертификационные международные программы, и все сотрудники Центра психологии, которые до этого были теоретиками, преподавателями, начали систематически обучаться психотерапии. Потом у нас была программа Tempus-Tasis с итальянцами и немцами со стажировками в Италии и в Германии. И как-то мы во всем этом купались и учились, учились, учились... Мы все время учились параллельно со своими студентами, обучались всему, чему только тогда было возможно в области психологии в Новосибирске. Если кто-то приезжал, мы всегда попадали на семинары, на конференции, и они были практически направленные. Мы все очень хорошие практики. Без ложной скромности, мы все очень хорошо работаем».

Одно время теория отставала, потом пришлось эту теорию как-то вдогонку практике осваивать».

Теория была вдогонку практике...

Р. П. Ефимкина: «Да, так получилось».

Но и трудности развития спецфакультета связаны, на мой взгляд, с преподавателями, их нарочитой неакадемичностью и мотивацией, приведшей их на спецфакультет изначально в качестве студентов.

Вспоминает Р. П. Ефимкина:

«Было три места в городе, где одновременно появились спецфакультеты. Один возглавлял Ширяев, один Рыженков, а третий Леонтьев в пединституте».

Дело было так. Смирнов (Сергей Николаевич)³ отдал приказ, чтобы от каждой школы Советского района поставили кадровую единицу с отрывом от производства для обучения на курсах психологии (тогда это так называлось, это еще не было спецфакультетом психологии).

² Директор Московского института гештальта и психодрамы (МИГИП).

³ Точно имя Римма Павловна не помнит.

Я работала в 190-й школе, и Воронко (спонсор) вел у нас информатику по совместительству. Он был тогда один из первых бизнесменов. Поэтому я в курсе того, как это начиналось.

Я из школы мечтала уйти куда угодно. Собиралась уйти в ткачихи. Почему в ткачихи? Потому, что 15 августа все учителя выходят из отпуска и должны прийти на ежегодную конференцию для учителей (в Доме Ученых ее проводили). И вот, я встала, думала “повеситься”, но в это время по радио передали объявление, что набирают швей-мотористок на фабрику “Северянка”. Я думала, пойду туда. Но вместо этого оделась и пришла в школу, в родную. Ко мне подошла завуч, и говорит: “Хочешь год не работать, а деньги получать?” Я счастью своему не поверила, говорю “Конечно, хочу”. Вообще, куда угодно, только не в школу. Что такое психология, я не знала. Но мне просто надо было из школы уйти. Я спросила: “Почему ты не идешь?”. Она ответила: “Я уже старая”. Ей тогда было 35 лет. Мне было 28. Я была “молодая”».

Вы были учителем...

Р. П. Ефимкина: «Я была учителем русского языка и литературы».

Почему надо было из школы уйти?

Р. П. Ефимкина: «Потому что это не мой выбор был. Распределение после вуза – надо отработать в школе. Я шла в филологи, а оказалась учительницей русского языка и литературы, словесником. Это разные вещи: творить или учить детей. Я проработала вместо трех лет – семь. И за эти семь лет так отупела! Когда общаешься с детьми, то дашь, но мало чего берешь. Мое мнение: учителя – это самые обделенные взрослыми контактами люди. Времени на эти контакты нет, и не приветствуется какое-либо обучение. Поэтому предложение учиться на курсах психологии – это был уникальный шанс».

Правильно я поняла, Вы не собирались быть психологом? Вы просто хотели уйти из школы?

Р. П. Ефимкина: «Я не знала, что это такое».

От каждой школы Советского района вот такого человека нашли, причем это осуждалось очень сильно внутри школы, счита-

лось, что мы отступники, преступники, детей бросаем. Действительно, дети, которых я учила, были без учителя полгода, в конце концов, родители некоторых из них репетиторов нашли. И как-то худо-бедно другие учителя замещали. Хотя это был приказ сверху от Смирнова, тем не менее, школа всячески саботировала мой уход.

Всего нас было 13 человек. Золотарев, в частности, был, Татьяна Григорьева (сейчас психотерапевт в Германии), Татьяна Ильина, Носкова Галя, Мила Астафьева, Василина (фамилию не помню), которую я больше не видела, была Галя Дрозд, которая умудрилась учиться и у нас, и одновременно у Леонтьева... Еще были Полякова и Ольга Афанасова. Вот такая группа учителей с отрывом от школы.

Вели у нас... Что вели, трудно сказать... Рыженков пробовал на нас все подряд. Преподавателей психологии было очень трудно раздобыть, потому что их в принципе не было. Поэтому вели знакомые Рыженкова. Некоторые из этих людей потом эмигрировали (Желнов, Наталья Коряк).

Книг не было совершенно никаких абсолютно. У нас был учебник, изданный в самиздате (потом его издали) Фейдимен и Фрэйджер (сейчас он как Фрэйгер – транскрипция другая) “Личность и личностный рост”, сейчас этот учебник называется “Теории личности”. У нас этот учебник был один, мы его разрывали на главы и обменивались этими кусками книги. Это вот и все наши зарубежные учебники. И были еще какие-то совковые, Петровский, например. Все это вне системы...

Самое смешное, что нам в конце, в июне, заплатили деньги. Сначала же сказали, что с отрывом от производства, с сохранением оклада. Никто не платил – 89/90-е годы, начались пертурбации разные в России. Но в конце нам деньги выплатили, конечно, они обесценились, это и не важно, оказалось, нам платили стипендию. Постфактум. Все остальные курсы были уже платные.

Постепенно Рыженков из выпускников формировал команду, в основу команды вошли те люди, которые закончили первый экспериментальный курс.

Летом, после окончания, Рыженков предложил выпускникам стать преподавателями. Раздал нам курсы. Я получила курс возрастной психологии, потому что педагогический стаж был самый большой из всех.

Мы получили документы о получении образования. Свидетельства. Свидетельства такие тоненькие голубенькие. Там не было каких-то обязательных для получения второго высшего образования курсов, поэтому на следующий год, когда набрали следующую группу, Рыженков предложил нам недостающие часы «допройти» и написать дипломные работы, которые соответствуют стандартам. Мы были в шоке, конечно. И вся наша группа писала дипломные работы, но уже по канонам, по стандартам. И со вторым набором мы получили корочки (зеленые такие) – диплом о переподготовке. Нам сказали, что без первого диплома он не действителен. Потом, уже через несколько лет, мы уж были преподавателями нашего же психфака, выяснилось, что диплом о переподготовке низко котируется, нам предложили пройти экстернат для того, чтобы получить нормальный диплом специалиста. Получился нонсенс: мы обучали будущих специалистов, сами не имея диплома специалиста. Смешная ситуация, в которую мы попали. У нас образование такое мозаичное было: с дырками, пробелами. Книг не было. И мы преподавали и одновременно учились. Книжки выходили, мы их постигали».

Студенты спецфакультета – кто они?

В первые годы существования спецфакультета мы полагали, что студенты наши – особенные. Для нас это были люди, сделавшие осознанный выбор, и этот выбор относился к психологии, так любимой нами, сотрудниками и преподавателями спецфакультета.

Из интервью с Р. П. Ефимкиной:

Есть особенность, специфика тех людей, которые приходят на спецфакультет?

«Особенность наших студентов в том, что они уже имеют свой жизненный опыт, и второе образование, как правило, после тридцати лет, люди получают уже осознанно, под свои задачи. Во всем мире факультеты психологии отличает такая особенность: туда идут люди вроде бы учиться, но бессознательная мотивация – лично расти, «лечиться» (в кавычках, разумеется). Они этого не осознают, они идут под предлогом помогать людям. Что такое помогать людям? Это проективная позиция, на самом

деле, они нуждаются в помощи себе. И мотивация к обучению у наших студентов двойная: с одной стороны, получать образование, но оно у них и так уже есть, это вторично, а первично, самореализовываться, находить себя. Мне это очень нравится. Потому что с такой мотивацией студентам преподавать именно психологию благодатно».

Из интервью с Т. К. Паниуркиной:

Специфика студентов спец. факультета. Ее можно определить?

«Я как-то думала про это, потому что сама в свое время пришла сюда. Я это называю так: все люди, которые живут на этой замечательной земле, мы все имеем какие-то проблемы, исключений нет (не нужно питать иллюзий). Те, которые к нам приходят, у них проблема находится в актуальном состоянии. Это может быть личностная проблема. Проблема роста, развития. Поиск работы. Изменения деятельности... Это всегда, скажем так, кризисный момент или этап роста. И эта задача (проблема) находится в осознанном состоянии, когда с ней можно что-то сделать».

Это люди, мотивированные на изменения. Это люди, которые готовы что-то изменить в своей жизни. Люди, приходящие с актуальной задачей, ее здесь решают. В любом случае, это конструктивные для личности решения, которые развивают личность, позволяют сделать шаг вперед. Может быть, я по себе сужу...»

Из интервью с С. Ю. Золотаревым:

Можно ли выделить существенные особенности тех, кто обращается в ЦПП? Что это за люди, группы? Можно ли их «классифицировать»?

«Наверное, общей, первой особенностью будет то, что приходят люди, которые чем-то не удовлетворены. Не удовлетворены профессией, не удовлетворены образом своей жизни, отношениями в семье или на работе, не удовлетворены набором знаний, который у них есть. Это люди, которые хотели бы что-то поменять. Иногда они связывают это с тем, что поучусь, может быть, в семье отношения перестрою; начну по-другому управлять своей организацией. У нас есть люди, у которых есть собственные фирмы, хорошо функционирующие, и

эти люди приходят для того, чтобы стать еще и организационным психологом и более квалифицированным управленцем... Это все люди, которые не удовлетворены, они ищут развития, некоторые это связывают с приобретением профессии».

Некоторые это связывают с приобретением профессии?

С. Ю. Золотарев: «Это мое ощущение, потому что на собеседовании многие говорят: “Да, я хотел бы поменять профессию”. А потом оказывается, что спустя два-три года многие люди остаются в рамках своей профессии – бухгалтер, врач, дизайнер и еще кто-нибудь, но при этом хорошо отзываются об учебе, о прошедших здесь годах, говорят, что это дало им многое для жизни, для саморазвития».

Недавно открыл газету... Врач гомеопат – психолог. Это наша выпускница, которая первоначально имела медицинское образование – врача, и практикует как гомеопат, но теперь еще и психолог. Понимаете? Она рекламируется вот таким образом».

Это не снижение имиджа профессии?

С. Ю. Золотарев: «Не знаю. А какой? Медицинской?»

Психолога. Она усиливает позиционирование себя...

С. Ю. Золотарев: «А я не знаю, что она усиливает... Позицию психолога усиливает, тем, что она еще и гомеопат, или наоборот. Самое главное, у нее есть возможность совмещать. И тогда уже, например, на так называемые психосоматические расстройства, с которыми работают, в том числе, и врачи, она уже смотрит как психолог».

Расширение картины мира...

С. Ю. Золотарев: «Ну, да, расширение картины мира, можно и так сказать... Ну а как? Если человек приходит и говорит: “Я главный бухгалтер, и я им и останусь. Но я хочу научиться управлять людьми и быть эффективной в своей организации. Мне нужно дополнительное образование и я готова потратить два года на получение образования”».

У нас чаще всего женщины учатся. И мы их заведомо пугаем: вы будете изучать зоо-

психологию, которая Вам не понадобится никогда, Вы будете изучать психофизиологию, историю психологии, которая вам будет не нужна. Они говорят: “Да, я знаю”. И все равно идут».

От школьной психологии – к организационной и клинической

Я полагаю, что развитие спецфакультета в первые годы, несмотря на все несовершенство и программы, и преподавателей, было очень продуктивным, прежде всего, в связи с доминирующим трендом – таковым было создание условий для личностного развития как студентов, так и преподавателей. Да, была практическая направленность, часто в ущерб академичности, но это была направленность на развитие личности, а не на приобретение определенных умений и навыков (таковые задавались, но не в первую очередь). И это абсолютно соответствовало тому основополагающему направлению развития практической психологии образования, которое провозглашалось инициаторами этого движения. Речь идет о понимании образования как о расширении возможностей индивидуального развития личности.

Однако постепенно ситуация стала изменяться. Прежде всего, все меньше выпускников оставались работать в школах – начал падать интерес к специализации «школьная психология». Одновременно в стране происходил бурный рост интереса уже не только и не столько к психологам образования, сколько к практическим психологам, ориентированным на индивидуальную и групповую работу с самыми разными людьми. Кроме того, попытки развития бизнеса в нашей стране привели к тому, что новоявленные «управленцы» оказались не готовыми к грамотному, эффективному управлению, столкнулись с большим количеством сложностей и осознали необходимость помощи, каковая могла прийти от экономистов, социологов, психологов и т. д. Эта ситуация оказалась весьма благоприятной для развития новых специализаций на спецфакультете. Было принято решение об открытии специализации «клиническая психология и психологическое консультирование» и «организационная психология». Как было сказано, этому способствовали объективные обстоятельства, развитие ситуации в стране, но одновременно и деловая интуи-

ция Рыженкова. Он очень оперативно откликался на происходящие изменения. Этот период в развитии спецфакультета был очень важным с точки зрения имиджа, известности, роста популярности, одновременно в этот период сотрудники учились зарабатывать деньги своей деятельностью не только в стенах университета, но и за его пределами: в реальных организациях, в реальных консультативных центрах и т. д. В это время П. Е. Рыженков и О. Н. Первушина начинают заниматься, прежде всего, организационной психологией, к ним присоединяются выпускники (Д. Болдырев, Т. Панцуркина, А. Васенина, С. Солодова, Э. Дьячкова и др.); в Центре психологии выделяется сектор организационной психологии, активно продвигающий себя на рынке тренинговых и консалтинговых услуг. Параллельно выделяется группа психологов психотерапевтической направленности, состоящая из выпускников спецфакультета. В нее входят Т. Пушкина, Н. Кузнецова, Р. Ефимкина, С. Золотарев. Оба направления развиваются очень активно, переживая разные периоды своего становления от «варения в собственном соку» до повышения квалификации в рамках самых различных обучающих программ. Сотрудники Центра психологии получают большое количество различных сертификатов, свидетельств, но постепенно их деятельность становится все более ориентированной на запросы рынка, и это не плохо само по себе, скорее, даже хорошо, потому что люди чувствуют свою способность неплохо зарабатывать на жизнь, находясь в рамках своей профессии. Но есть другая сторона медали. Постепенно наблюдается отход от направленности на личностное развитие (собственное и наших слушателей и клиентов) и ориентация на приобретение и тиражирование инструментов, методик, технологий (к тому же не всегда научно обоснованных). Такой тренд развития может привести к прагматическому утилитарному успеху. «Но это успех в стиле манипулятивной психологии Д. Карнеги – тех, кто, по выражению Э. Фромма, “хочет обладать многим”, но не может и не смеет “быть многим”» [Асмолов, 2003. С. 7].

Эта тенденция начинает явно вырисовываться и определять дальнейшее функционирование Центра психологии. Удивительно, но это происходит несмотря на искреннее желание руководителя Центра развиваться по-настоящему, несмотря на замечательные проекты, реализуемые со-

трудниками Центра. А проекты эти действительно замечательные.

Вспоминает П. Е. Рыженков, директор Центра психологии НГУ:

«В 94 году Центр психологии перешел на второе высшее (готовили бакалавров психологии). Отказались от школьной специализации (из школ уже мало кто приходил). Стали разрабатывать специализацию по клинической психологии, психоконсультированию.

В 96-м одними из первых в России ввели специализацию по организационной психологии. С 2000 г. начали обучать по программе специалитета.

Это – обучение, так сказать, магистральное направление нашей деятельности, но у нас много было и другого».

Международные контакты

П. Е. Рыженков: «Были контакты с университетом Ольденбурга. Проводили исследование по экологическому сознанию детей. Были написаны и опубликованы совместные статьи.

Три года работали по программе “Темпус-Тасис” с Италией, Германией по теме “Социальная психология и социальная работа с молодежью”: поездки, семинары, переводы, литература.

Потом был трехлетний грант по организационной психологии с Лондонской школой экономики и политических наук, который помог развитию организационной психологии. Его инициатором и продвигателем был Дерябин Андрей, который до этого проходил в этой школе годичный курс по масс-медиа и социальной психологии.

Мы сделали первыми в России психологическую газету – “Сибирский психологический вестник”. Четыре листа, выходила 1 раз в 3 месяца. Потом получили грант от фонда Сороса, и год делали газету, она стала в 8 страниц. Рассылали газету в тысячу мест. Потом звонили из Питера, просили поделиться опытом создания психологической газеты, я их консультировал...

Мы выпускали, сначала самостоятельно, потом по гранту от фонда “Евразия” дайджест “Конспект”, где печатали рефераты по разным темам менеджмента и организационной психологии.

Мы одними из первых из психологического сообщества сделали свой психологический сайт. Был довольно мощный интернет-ресурс, были инициаторами и участниками объединения психологических сайтов в некоторую систему.

Разрабатывали и выпускали методические пособия, в частности по общей психологии, клинической, психодиагностике, по школьной психологии. Эта деятельность и сейчас является важной.

Примерно с середины девяностых мы начали работать с организациями, проводя консалтинги, тренинги.

С 1997 года начинается эра пролонгированных специализаций по разным направлениям психоконсультирования и психотерапии с приглашением специалистов по гештальту, психодраме, арттерапии, телесной и пр.

С 98-го, когда был дефолт, мы набрали группу менеджеров по персоналу.

С 99 года открылся летний психотерапевтический интенсив, его организовали Надежда Кузнецова и я, совместно с Московским институтом гештальта и психодрамы (она до сих пор этим занимается, теперь уже самостоятельно).

В настоящее время мы в своей тренинговой и консультативной деятельности ориентированы на организационную психологию, «бизнес обучение».

Почему тот крен в развитии Центра психологии, о котором я говорю, произошел? Я думаю, что есть несколько причин, способствующих рождению такой ситуации. Прежде всего, востребованность психологических услуг в сегодняшнем мире. Общество от психологического неведения перешло в стадию сверхожиданий от психологии и психологов. Потребности в психологической помощи и психологических знаниях явно выросли. Но параллельно происходит процесс излишней легкости в обращении с психологическим знанием, процесс излишней технологизации и вульгаризации в процессе психологической практики. Этот процесс идет по нарастающей и имеет в основе своей далеко не всегда корректное и береж-

ное обращение с психологическим знанием. Не в последнюю очередь это может быть связано с отсутствием базового психологического образования, во всяком случае с недооценкой значимости теоретического психологического знания. А. Г. Асмолов, анализируя появление и развитие системы подготовки практических психологов, писал: «Появилась система подготовки “девятимесячников” (специалистов с высшим образованием, обучающихся в течение девяти месяцев по программам переподготовки практических психологов для образовательных учреждений. Обращаю особое внимание, что она появилась только в тех вузах, где были научные психологические школы. В первых учебных планах спецфакультетов нам необходимо было перейти от человекознания к человековедению, к методологии, ремеслу и искусству подготовки практических психологов...» [Асмолов, 2003. С. 7].

Нет, к сожалению, научные школы были далеко не во всех тех местах, где возникали спецфакультеты и начинали свою бурную деятельность практические психологи. Я уже отмечала безусловные достижения и заслуги и сотрудников Центра психологии, и, в особенности, менеджерский талант и мощную интуицию директора Центра, и их человеческие достоинства, но отсутствие научной школы все же сыграло свою роль в специфике развития Центра психологии. Безусловно, это мое личное и очень субъективное мнение...

Список литературы

Асмолов А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России // *Вопр. психологии*. 2003. № 4.

Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.

Зинченко В. П. Общество на пути к «человеку психологическому» // *Вопр. психологии*. 2008. № 3. С. 5–6.

Материал поступил в редколлегию 03.04.2010